

Пушкин в Могочине

Февраль - 1987. - 29.11.87
Балы и будни таежного поселка

Могочино? А где это? Михайловское и Тригорское, Петербург, Москва, Одесса... Нет среди пушкинских мест Могочина! Оказывается, все-таки есть. Чтобы туда

попасть, надо сперва добраться до старинного сибирского города Томска, а затем трагисты дальше на север — двести с лишним километров.

вой маски поэта. Мемуары декабристов и материалы их допросов. И — альбомы, альбомы, альбомы...

Небольшой поселочек прижался к крутой обской излучине, великая река словно бы обнимает его своей студеной и мощной рукой. Это поселок речников и лесопильщиков, сердце его — Могочинский лесозавод.

Трехэтажное школьное здание, одно из немногих кирпичных в этом почти сплошь деревянном поселке. Поднимаюсь на второй этаж, раскрываю классную дверь и из школьного коридора попадаю... в начало века девятнадцатого. В стене уютно уместился небольшой камин, сверху, на мраморной его полке, — изящный подсвечник. А со стен — справа, слева, буквально отовсюду — смотрят из овальных, круглых и прямоугольных рамок и рам Пушкин и Лермонтов, Державин и Вяземский, Наталья Гончарова, Денис Давыдов, Мария Волконская...

— Мальчишки, они окончат лицей, вырастут и станут канцлерами и сенаторами, мореплавателями и поэтами. Некоторые из них станут декабристами. Они прославят Россию...

Мальчишеский голос звонок и взволнован, пионерский галстук маленьким алым парусом топорщится из-под школьного пиджака: мои юные экскурсоводы рассказывают о лицее и лицах. Рассказывают как о чем-то дорогом, близком.

Потом мы сидим в уголке этого школьного музея с одним из них — тем взволнованным и звонко-голосым. Андрюша Беляев только год как пришел в Могочинскую школу. До этого они жили в таежном поселке Суйга, где его отец работал шофером, а мать — диспетчером лесокомбината.

— Раньше я поэзией не увлекался. Пока не пришел в этот музей. А теперь меня только сюда и тянет. Как звонок на перемену — сразу сюда бегу: листаю альбомы, портреты смотрю, с Лидией Евгеньевной разговариваю.

Да, а кто же такая эта Лидия Евгеньевна, у которой для каждого находится время? С нее-то все и началось. Когда началось? Может быть, когда она сама, Лида Пономарева, в далеком 42-м получала здесь аттестат зрелости. Но скорей всего — когда, четверть века отработав учительницей по самым глухим медвежьим углам, вернулась преподавать литературу в родную школу.

Вернулась — и в сердце больно колнуло: много лет носит школа имя Пушкина, а всего-то пушкинского в ней, что портрет поэта да имя на школьной табличке.

— Но хотелось, чтобы мысль о пушкинском музее сама пришла к ребятам — собственная, не подсказанная, — вспоминает учительница. — И первой задачей я поставила — научить их любить поэзию.

Помимо уроков, она открыла факультатив «Литература пушкинской поры». В начале каждого урока и каждого факультативного занятия непременно — поэтическая минута: чтение стихов — без оценок и только по желанию. Мальчишки сперва отмахивались: считали стихи не мужским делом. Но со временем приохотились. И вот настал день, когда она услышала долгожданное:

— Лидия Евгеньевна, а что если нам музей Пушкина создать? Или хотя бы уголок...

Их было человек сорок — первых могочинских пушкинистов. По десять часов ежедневно работали они, создавая свой музей. Одних только адресатов, с кем надо было завязать переписку, они наметили около 400. Первым откликнулся на письмо сибирских школьников директор Пушкинского заповедника в Михайловском С. С. Гейченко. Он-то и подарил их музею первые ценные экспонаты.

А уже спустя два года могочинский музей так завил о себе, что его представителей пригласили в Ленинград на всероссийский праздник юных пушкинистов. Могочинцы получили там диплом третьей степени. Они переписывались с писателями и учеными-пушкиноведами, с праправнуками Пушкина. По музеем, архивам и частным коллекциям вели интенсивный поиск материалов и экспонатов, объездили почти все пушкинские и лермонтовские места.

А потом пылали свечи и за неярко освещенными окнами плыла музыка. В школьном музее — бал «В эпоху Пушкина входя». На уроках домоводства сами сшили бальные платья и шляпки, фрак и жакет — и теперь, одетые в них, танцевали менуэты и вальсы той поры. Даже к пышному самоварам столу старались подать пушкинское любимое. Узнали: любил Александр Сергеевич лакомиться крыжовенным вареньем. Весь поселок обегали, но нашли-таки к столу баночку...

Давно пенсия протрубила «отбой» неугомонной могочинской учительнице. Но разве оставит она свой музей, свое родное «Лукоморье»? А музей уже перестал быть школьным...

— Сегодня мы встретились в канун дня памяти Александра Сергеевича. И лучшей данью поэту будет, чтобы у нас читали его стихи пришедшие со смены рабочие, строители и врачи, черпая в пушкинских строках радость и вдохновение, — голос Лидии Евгеньевны радостен и торжествен.

И вот мастер ремонтно-управления Ульяна Михайлова поет: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», учительница на пенсии Татьяна Михайловна Щербатых читает «Братьев-разбойников». И снова звучит рояль, и заместитель секретаря лесозаводского партбюро Тамара Ивошина высоким и чистым голосом исполняет романс Глин-

ки «Между небом и землей жаворонок вьется...»

За легкими толевыми занавесками — сибирская ночь, воем вьюга и по-всегдашнему погромыхивает завод, а здесь уютно и празднично, в чашках дымит чай, плывут звуки музыки...

В этих стенах собрались уборщица и врачи, продавец ОРСа и весь коллектив заводского детсада «Василек», учителя, пенсионеры, партийные работники... И каждому из них Пушкин не просто дорог, а — необходим. Растроганная хозяйка вечера поднимается, обращается к гостям:

— Ну, что же, дорогие мои, время быстро пролетело, собираться пора. А через неделю милости прошу вас снова к пушкинскому самовару!

Так и очутился Александр Сергеевич в Сибири, где отбывал ссылку его опальный прадед, где мучились на каторге его друзья-декабристы, куда и его самого не прочь были сослать царь и его бенкендорфы. Вольным, песенным и счастливым пришел он на заснеженные берега Оби, призванный сюда любовью неведомых ему учителей и рабочих, врачей и красногалстучных «лицейстов».

— Кстати, вы знаете, что значит «Обь»? — спрашивает Лидия Евгеньевна. — Это название взято у народов Севера, и означает оно — «бабушка».

В вечных своих валенках, маленькая и вся круглая, с короткими седыми волосами и лучащимся добротой лицом — как далекая ее облик от сурового мира «белого безмолвия», свирепых вьюг и безлюдных таежных пространств! А ведь эта женщина почти всю свою жизнь учительствовала вместе с мужем Николаем Тимофеевичем, выбирая для себя самые маленькие, запрятанные в тайге и бездорожье деревеньки. Учили там детей — русских, хантов и эвенков.

Учителя, просветители, коммунисты, они забирались в самые удаленные углы, и постепенно становились все менее медвежьими, все более человеческими. Учительствуя в северном селе Старо-Короткино, Лидия Евгеньевна написала письмо в правительство страны: кругом в Сибири электричество, а здесь люди при керосиновых лампах маются, 90 процентов детей — с пониженным зрением. Москва услышала голос учительницы из далекой сибирской деревушки: полетела команда, и сразу же, прямо зимой, строители начали долбить землю под столбы линии электропередачи. А прошло время, и по ходатайству Лидии Евгеньевны открыли здесь еще и ясли-сад. Несущая свет — вроде бы громко сказано. Но как по-другому скажешь про эту женщину?

Не скрывая гордости, немного смущаясь от этого, демонстрирует Лидия Евгеньевна все новые и новые сокровища своего музея. Факсимильные отписки рукописей Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Грибоедова. Копия посмертного гипсо-

вой маски поэта. Мемуары декабристов и материалы их допросов. И — альбомы, альбомы, альбомы...

Но наше уединение то и дело нарушается. Уроки уже закончились, и дверь поминутно распахивается:

— Здравствуйте, Лидия Евгеньевна! Нам надо взять костюм Кирилла Петровича Троекурова для краеведческого музея.

— Лидия Евгеньевна, вы уже читали? В «Учительской газете» потомок Пушкина пишет. Надо бы с ним переписку наладить! Подростило новое поколение школьных пушкинистов: Женя Герасименко и Наташа Качукова, два Саши — Шедько и Шкуратов, Олеся Терентьева и Алена Козубец, Лена и Таня Пушкины... (Совпадение, ставшее традиционным поводом для дружеских шуток: отец Тани с Леной — мало того, что Пушкин, так еще и Александр. Не поэт, правда, а капитан-механик парома через Обь. Но поэзию тоже любит).

По музейной книге отзывов можно изучать географию страны: Сахалин и Москва, Тува и Алтай, Камчатка и Белгород. Вздвигнутые и благодарные слова вписали сюда рабочие, педагоги, солдаты, научные сотрудники. Но из всего обилия отзывов хочется привести мнение самих школьников: «Это хорошо, когда, отрываясь от будничных дел, осязаешь власть гения поэзии, удивляешься ему, восхищаешься им; веришь в него. Большое спасибо Лидии Евгеньевне и ее помощникам за то, что они сумели оставить в наших сердцах волнующее воспоминание о Пушкине. 31 сердце 9-го «Б».

Шести тысячам экспонатов уже трудно уместиться в двух соединенных между собой классных помещениях. Сейчас коммунисты лесозавода приняли решение:

— Своими силами, хозяйством построим для музея новое здание!

...Снег упруго хрустит под ногами: опять подморозило. Маленький белый поселок, опоясанный крутой обской излучиной, скованный морозами. Край суровый, красивый, удивительный, где жены и матери лесопильщиков и речников вьюжными вечерами в неярком сиянии свечей поют старинные романсы, читают стихи. А дети этих рабочих, мастеров и медсестер собираются в пушкинском клубе «Лукоморье», который создали сами.

В Могочине живут два Александра Пушкина. Один водит паром с берега на берег Оби, зимой ремонтирует свое судно, готовит к новой навигации. А другой... просто живет здесь. Живет и дарит счастье прекрасных строк и высоких чувств могочинцам и их детям.

Е. СОЛОМЕНКО.
(Корр. «Правды»).

Томская область.